

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ

(Издание: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений в 90 томах, академическое юбилейное издание, том 39, Государственное Издательство Художественной Литературы, Москва - 1956; OCR: Габриел Мумжиев)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жил я до 50-ти лет, думая, что та жизнь человека, которая проходит от рождения и до смерти, и есть вся жизнь его и что потому цель человека есть счастье в этой смертной жизни, и я старался получить это счастье, но чем дальше я жил, тем очевиднее становилось, что счастья этого нет и не может быть. То счастье, которое я искал, не давалось мне; то же, которого достигал, тотчас же переставало быть счастьем. Несчастий же становилось всё больше и больше и неизбежность смерти к становилась всё очевиднее и очевиднее, и я понял, что после этой бессмысленной и несчастной жизни меня ничего не ожидает, кроме страдания, болезни, старости и уничтожения. Я спросил себя: зачем это? и не получил ответа. И пришел в отчаяние.

То, что говорили мне некоторые люди и в чем я сам иногда старался уверить себя, что надо желать счастья не себе одному, но другим, близким и всем людям, не удовлетворяло меня, во 1-х, потому, что я не мог искренно, так же как себе, желать счастья другим людям; во 2-х, и, главное, потому, что другие люди, точно так же как и я, были обречены на несчастье и смерть. И потому все мои старания об их благе были тщетны.

Я пришел в отчаяние. Но тут я подумал о том, что мое отчаяние может происходить оттого, что я особенный человек, что другие люди знают, зачем живут, и потому не приходят в отчаяние.

И я стал наблюдать других людей, но другие люди точно так же, как и я, не знали, зачем они живут. Одни старались суетой жизни заглушить это незнание, другие же уверяли себя и других, что они верят в разные веры, которые с детства внушили им; но верить в то, во что они верили, невозможно было, так это было глупо. Да и многие из них, мне казалось, только притворялись, что они верят, но в глубине души не верили.

Продолжать суетиться я уже не мог: никакая суета не скрывала непрестанно стоящего передо мною вопроса; и также не мог вновь начать верить в ту веру, которая была преподана мне с детства и которая, когда я возмужал умом, сама собой отпала от меня. Но чем больше я изучал, тем больше я убеждался, что тут и не может быть истины, что тут одно лицемерие и корыстные виды обманывающих и слабоумие, упрямство и страх обманутых.

Не говоря уже о внутренних противоречиях этого учения, о изменности, жестокости его, признающего бога карающим людей вечными мучениями, (1) главное, что не позволяло мне поверить в это учение, было то, что я знал, что рядом с этим православным христианским учением, утверждавшим, что оно одно в истине, было другое христианское католическое, третье лютеранское, четвертое реформатское, -- и все различные христианские учения, из которых каждое про себя утверждало, что оно одно в истине; знал я и то, что рядом с этими христианскими учениями существуют еще нехристианские религиозные учения -- буддизма, браманизма, магометанства, конфуцианства и др., точно так же считающие только себя истинными, все же другие учения -- заблуждением.

И я не мог вернуться ни к той вере, которой был научен с детства, ни поверить в какую-либо из тех, которые исповедывали другие народы, потому что во всех были одни и те же противоречия, бессмыслицы, чудеса, отрицающие все другие веры, а главное, их обман, требования слепого доверия своему учению.

Итак, я убедился в том, что в существующих верах я не найду разрешения моего вопроса и облегчения моих страданий. Отчаяние мое было таково, что я был близок к самоубийству.

Но тут и пришло мне спасение. Спасение было в том, что я с детства удержал смутное представление о том, что в евангелии есть ответ на мой вопрос.

-- Все противоречия эти я изложил подробно в книге "Критика догматического богословия".